

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Евгения Михайлова

Дунайские волны

Анна и Сергей Литвиновы

Ласковое солнце, нежный бриз

Екатерина Барсова

Остров сбывшихся желаний

Галина Романова

Играющая со смертью

Марина Крамер

Карты, деньги, морской бриз

Анна Велес

Предмет коллекционирования

Дарья Калинина

Сказка о добром волшебнике

и его Красной Шапочке

ДЕТЕКТИВ

В

ПУТЕШЕСТВИИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Д38 **Детектив** в путешествии : [сборник рассказов] / Галина Романова, Евгения Михайлова, Анна и Сергей Литвиновы и др. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Великолепные детективные истории).

ISBN 978-5-04-101375-2

Экзотические страны и континенты, увлекательные путешествия по диким и неизведанным местам, романтический отдых на лучших фешенебельных курортах... На фоне живописных достопримечательностей всего мира герои нового сборника «Детектив в путешествии» с блеском распутывают настоящие детективные головоломки, не забывая при этом наслаждаться восхитительным отдыхом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101375-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

• СОДЕРЖАНИЕ •

Евгения Михайлова

ДУНАЙСКИЕ ВОЛНЫ

7

Анна и Сергей Литвиновы
ЛАСКОВОЕ СОЛНЦЕ, НЕЖНЫЙ БРИЗ

37

Екатерина Барсова

ОСТРОВ СБЫВШИХСЯ ЖЕЛАНИЙ

72

Галина Романова

ИГРАЮЩАЯ СО СМЕРТЬЮ

118

Марина Крамер

КАРТЫ, ДЕНЬГИ, МОРСКОЙ БРИЗ

174

Анна Велес

ПРЕДМЕТ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

212

Дарья Калинина

СКАЗКА О ДОБРОМ ВОЛШЕБНИКЕ
И ЕГО КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

250

Екатерина Неволина

ВИНО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

296

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА

• ДУНАЙСКИЕ ВОЛНЫ •

У Марины были по жизни три непроходящих беды. Косоглазие, отчим и красивая младшая сестра. Детское косоглазие лечили-лечили, потом оперировали, но полного избавления, как обещали врачи, не случилось, — оно лишь стало чуть менее заметным взрослым косоглазием. Сестра Настя выскочила замуж очень рано, пропала в своей жизни, появлялась у них редко и даже не догадывалась о том, какую бурю в душе Марины успевала вызвать. За годы накопилось столько. Отчим умер недавно и скоропостижно, а тяжкая обида и если не прежняя ненависть, то активная, агрессивная нелюбовь к нему остались.

Марина знала, что она человек непростой и не всем приятный, но почему-то у нее всегда были самые преданные подруги. Потом те же подруги с детских лет и самые преданные

ученики. Марина, конечно, стала учительницей русского языка и литературы, как мама. У Насти подруг не было никогда. Нет и теперь. Горькая мысль иногда мучила Марину. Может, ее жалеют? За косоглазие, за ее вечную обиду, за красивую сестру? С Настей, возможно, все проще. Ей завидуют. Она отвечает презрением. Такой характер. Упадет, сломает себе что-то, никого не позовет. И ее, Марину, тоже. А она бы прибежала, конечно.

Но нет, не может быть, чтобы дружили только из жалости. Марина знает горбунью, знает хромых, слепых — что-то у них нет такого количества подруг и преданных учеников. У каждого человека есть какие-то ученики, независимо от профессии. А Марина даже не так чтобы очень хороший учитель. Она патологически зависит от мнения и вкусов мамы. Даже сейчас, когда мамы нет. Это тоже не проходит никогда и ни в какой ситуации. Она могла при подготовке к уроку перечитать десятки самых лучших и нужных книг, написать правильный и объективно хороший конспект... А потом в слезах разбудить маму: «Сделай, как нужно. Или я никуда завтра не пойду». И мама спокойно вставала, смотрела ее текст, всегда хвалила: «Я бы никогда не догадалась использовать и это...» Дальше так же спокойно писала другой текст, в три раза короче, но он был такой... Был благоуханный.

— Тут у тебя останется время, — говорила мама, — прочитай вот этот кусочек. Он сразу откроет детям все, что нужно, для понимания этого писателя.

Марина посмотрела на часы. Шесть утра. И, как назло, уже начались школьные каникулы. И дом, ее большой дом, опустел месяца на три. Она одна. А это не беда. Это крест ее жизни. Ей так хорошо с друзьями и учениками. Но у всех свои жизни. Они туда и уходят. Оттуда звонят, пишут письма, шлют открытки и подарки. Это самые ценные вещи в жизни Марины — детские картинки, которые она развешивает по стенам, яркие поздравительные открытки, которые она аккуратно укладывает в стопочки по датам, всякие подушечки, расшитые от руки, фотографии в рамках. Друзья и ученики звонят. Будет время, приедут обязательно. Марина это точно знает. Она позвонит — приедут мгновенно, если в Москве, и при первой же возможности приедут издалека.

Не позвонит и не приедет только Настя. Видимо, никогда. Когда сестра уходила из этого дома после похорон мамы, Марина знала: навсегда уходит. И не подумает оглянуться, посмотреть, как дрожат у нее губы и руки... Они не ссорились. Просто их перестала связывать общая, одинаково любимая мама. Просто они не сошлись во взглядах на большую политику.

У Марины раньше не было никаких взглядов. У нее были взгляды мамы. Мама всегда соглашалась с Настей, она, как и папа, сотворила из нее кумира. Для Насти ее мнение — единственно верное. Марина стала говорить все ровно наоборот. Даже приветствовать войну.

— Что ты несешь, — брезгливо сказала Настя. — У нас родню закопали фашисты в Бабьем Яру, наш дедушка пролежал двадцать лет парализованным после очередного допроса в КГБ. А он просто хотел делать хорошую муку и был против того, что наши солдаты воюют как оккупанты в чужой стране. Он сам воевал за свою, вырывая жизнь из лап двух фашизмов. Для нас, чтобы решать нам в уме задачи до последнего своего дня, пусть и лежа в неподвижности.

А Марине как-то надо было заявить о том, что она есть сама по себе и без мамы. Как-то надо защищаться от этой безысходности, неизбежности, очевидности. Только это. Это она ездила в Киев искать тех родственников, чьи предки были зарыты в Бабьем Яру. И дедушку она знала на десять лет больше Насти. Такая между ними разница в возрасте. Она сестре больше никакая не сестра. Сводная — это же курам на смех, а не родня. Особенно если тебя

Марина вышла в сад. Хорошо. Роса. Умытое солнце. «А в небесах свистят-свистят безумные птенцы» — совсем как у Бродского: «Мы едем-едем по земле, покуда не умрем...» Все в разлуке со всеми едем и живем. Она подняла голову, солнце ласково заглянуло ей в глаза. Так захотелось жаркого дня, моря или волн Дуная... Но Марина туда теперь — никогда в жизни.

Вчера звонила Василка из Болгарии. Одна из преданных подруг. Они познакомились давно, в «Артеке», где проводился форум учителей из разных стран. Василка такая забавная, веселая, полная, крепко сбитая, с черными яркими глазами и белозубой улыбкой. Она сразу привязалась к Марине. И Марина с ней была веселой и общительной. И думала так, как Василка. Пригласила ее в Москву. Та приехала, навезла кучу всяких болгарских сладостей и почему-то много разных кусков ткани. Все с цветами или национальными узорами. Оказалось, что она себе платья шьет сама. Мама потом отнесла ткань их портнихе-дизайнеру, которая из одинаковых тканей умудрилась сшить абсолютно разные платья, блузки и сарафаны Марине и Насте. Настя в тех нарядах была королевой, Марина ее сводной сестрой. Марина через не-

сколько лет приехала в Болгарию. Ах, как же там было!

Василка удачно вышла замуж. За состоятельного, правильного и четкого бизнесмена. А любила она Володимера, другого и совсем неправильного человека. Вышла замуж даже не потому, что Богдан богаче и надежнее, чем Володимер, который жил с мамой. А просто потому, что Володимер не собирался ни на ком жениться. Но разрешал ей быть рядом с собой, принимал любовь и заботу.

У Василки тоже был отпуск. Она показывала Марине свой городок, они купались в Дунае, гуляли в парке, где по вечерам люди просто так выходили — посмотреть друг на друга, пошутить, выпить пива, потанцевать на площадках. Было очень весело. Через несколько дней Василка повела Марину в горы. Там, на пустынном холме, вдали от людей, среди деревьев и вьющегося, ползущего вверх винограда, был маленький дом Володимера и его мамы.

Володимер. Что-то так туманит память и взгляд Марины, что она не может вспомнить в деталях его лицо и фигуру. Только ощущение: крепкий, сильный, как будто прокаленный жарким солнцем, выдержанный в аромате буйных цветов и виноградного вина. Руки у него очень мужские, ловкие и, кажется, такие надежные... У Богдана совсем не такие руки, хотя

надежным человеком был именно он. Володимер рвал на куски этими руками горячий домашний болгарский хлеб, разливал домашнее вино собственного производства по большим кружкам, крупно резал яркие овощи, раскладывал в вазы какие-то райские фрукты, пьяные от солнца, запаха и сладости. Старался говорить по-русски, но неумело, со смешным акцентом. Василка влюбленно смотрела на него, смеялась, переводила.

Сказочный был тот отпуск. Они втроем купались в Дунае. Марина узнала, какие там сильные, высокие волны. Однажды она заплыла немного дальше, чем нужно, обратно не могла вернуться. Чувствовала, что силы кончаются. И тут рядом оказался Володимер. Он подтолкнул ее, потом просто потащил за собой одной рукой. Держал выше локтя. Это единственное его прикосновение к ней за все время. Он, конечно, забыл, а у нее то место, кажется, до сих пор горит.

Василка, провожая Марину, просила приехать еще. Обещала, что в следующий раз свозит подругу в Варну. И что их повезет Володимер. Но поездка оказалась невозможной в течение нескольких лет. Болел и выкарабкивался отчим, надо было страховать маму. У отчима была большая проблема с легким. Временами врачи говорили — все, дальше резать нельзя. А потом

все же решались, и он восстанавливался, потому что очень хотел жить. Он хотел работать, любить жену и свою дочку. Своего позднего ребенка — Настю. Настя, конечно, тоже приезжала помочь, навестить. Но она была в своих драмах — убегала от одного мужа к другому, страдала из-за того, что оба страдали и мучили ее. Много работала: везде писала, выступала, она окончила Литинститут, в промежутках издавала женские романы исключительно про любовь. Опыт позволял ничего не придумывать. Хватай из воздуха то, что сама натворила, и пиши. Промежутков ей часто не хватало даже на сына, прелестного синеглазого Тараса, поэтому он подолгу жил у бабушки с дедушкой.

Лишь два года назад что-то удалось решить и совместить. Василка пригласила не только Марину, но и Настю с Тарасом. У них получилось поехать первыми. Мама сказала: «Я просто счастлива, что Настенька и ребенок отдохнут. И эти сумасшедшие мужья ее там не найдут».

Василка устроила Насте с Тарасом ту же программу, что и Марине. Парки, гулянья, путь наверх — в царство Володимера. Он им рвал горячий хлеб и наливал свое вино... Настя смотрела на его руки, в которых жаркое солнце, запах цветов и вина. Но Настя все рвалась в Варну. Она очень любила море и жару. Мама

день. Марине показалось, что подруга говорит о поездке в Варну грустно и обреченно. Договорились, что Марина приедет прямо туда, в квартиру, которую сняла для всех, кроме Володимера, Василка. И она приехала в ослепительный летний день. Нетерпеливо ждала их в этой квартире. Видела, как они подъехали с моря. Володимер высадил Василку, Настю и малыша, привел их в квартиру, по-родственному приветствовал Марину и ушел к себе, он снимал квартиру неподалеку. Жить с посторонними женщинами он не мог.

Вечером Володимер заехал за всеми, и они отправились в ресторан. Какой-то странный ресторан. Все, как у себя во дворе, сидели за длинными столами под открытым небом, говорили, как родственники, смеялись, пели, рвали руками горячий хлеб, разливали вино. Мужские взгляды со всех сторон просто прилипали к Насте, она отмахивалась, как от мух. Володимер мрачнел. А Василка вдруг налила себе сама большую кружку вина и сказала тост. По-русски, у нее почти нет акцента.

— За десять дней, которые потрясли мир.

Настя с сыном в Болгарии провела именно десять дней. Впереди было еще столько же дней этого отдыха. Ночью Василке было плохо из-за того, что она перепила. Она практически не пьет...